

о диссертации А. В. Анашкина «Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопросов XI–XV вв.» (Москва, 2015, 259 стр.), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология. Византийская и новогреческая филология

В диссертации «Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопросов XI–XV вв.» А. В. Анашкин предпринимает смелую попытку вписать византийские канонические вопросы соответные собрания XI–XV вв. в историю византийской словесности, а язык этих памятников – в историю греческого языка Средних веков. Подобная задача необычна и оригинальна, поскольку каноническая эротапокритическая литература и в отечественной, и в международной науке, как правило, рассматривается только в рамках исследований по истории церковного права, в лучшем случае – в работах о повседневной жизни византийцев. Содержание этих памятников весьма специфично, язык темен, а художественные достоинства сомнительны. Эти тексты не учитываются при написании исторических грамматик греческого языка, не упоминаются в монографиях по истории греческой литературы, практически не используются при составлении Словаря византийского греческого (*Lexikon zur byzantinischen Gräzität*) под руководством Э. Траппа и очень плохо представлены в электронном корпусе *Thesaurus linguae graecae* – основном рабочем инструменте специалистов по исторической семантике греческого языка. Канонические эротапокризы и те памятники, которые мы обычно понимаем под «византийской литературой» (как высокой, так и народноязычной), соседствуют на страницах одних и тех же журналов, но как будто бы в параллельных мирах, и попытка диссертанта совместить эти миры заслуживает всяческого поощрения. Как мы знаем, ни история, ни грамматика греческого языка византийского периода не написаны по сей день, более того – научное сообщество не определилось с тем, как ее писать. Пути, которые предлагают С. Вальгрэн, Дж. Хоррокс, М. Хинтербергер и другие исследователи, неодинаковы. Как бы то ни было, очевидно, что это будет масштабный комплексный проект, возможный лишь как результат обобщения частных исследований языка отдельных памятников, сколь бы малозначительной ни казалась их художественная ценность. Все эти соображения свидетельствуют об актуальности диссертации А. В. Анашкина.

Диссертация объемом 259 машинописных страниц состоит из Введения, 4 Глав, Заключения, *index graecitatis*, библиографического списка, списка сокращений и 2 Приложений. Она открывается Введением (С. 6–12), в котором сформулированы цели, задачи и методы исследования, обрисован его объект, кратко представлены основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 (С. 13–67) посвящена жанровой проблематике и носит отчасти реферативный, а отчасти аналитический характер (впрочем, к сожалению, это никак нельзя понять из ее заглавия, скромно прячущего аналитическую часть). На наш взгляд, автор полностью прав в своем отказе ставить вопрос о жанровой природе эротапокриза в целом и решении остановиться на выявлении жанровой специфики исключительно канонических вопросов (С. 45). Несомненно, описанный

диссертантом научный спор о том, являются ли вопросоответы формой или жанром (С. 44), будет иметь разное решение в зависимости от того, насколько широко понимается объект исследования.

Жанровая природа канонических вопросоответов трудноуловима: рассуждая о ней, необходимо выбрать точку отсчета — либо мы говорим о вопросоответных коллекциях на синхронном срезе (как о законченных произведениях с одним автором или — по крайней мере — редактором и заранее продуманной композицией), либо об их генезисе (превращении в коллекции заданных разными людьми — с разным уровнем образования и языкового чутья — по разным случаям и в разное время вопросов и данных на них в разное время ответов). Несомненно, перед нами жанровое превращение: акты живого общения, происходящего в форме дистанционного диалога, застывают и кодифицируются как собрание прецедентов — по сути, справочник (об этом можно судить по рукописной традиции вопросоответных собраний — С. 61–63).

В разделе I.5 (С. 44–67) автор убедительно доказывает, что за каждой вопросоответной парой скрывается акт живой эпистолярной коммуникации, который потом фиксируется, редактируется, унифицируется, встраивается в ряд ему подобных, т.е. генетически отдельные вопросоответные коллекции развиваются из действительной переписки прихожан с архиереями, и таким образом в своей основе речь идет не о литературной фикции, как кажется на первый взгляд. Аргументы автора, подкрепленные филологическим анализом отдельных вопросоответов, в которых последующая редакция не смогла полностью размыть исходный эпистолярный слой (С. 55–59), весьма убедительны. Но как происходило это встраивание? Кто и когда принимал решение о создании коллекции? Как архивировалась переписка, лежащая в основе коллекции? Как глубоко заходила стилистическая унификация и не должны ли мы говорить о вопросоответных коллекциях как о произведениях с несколькими авторами?

Автор задумывается над этими важными вопросами (С. 61, 67), но, как кажется, не всегда готов дать четкий ответ. Исключительно интересны попытки автора выстроить хронологию создания коллекций на основании того, что часть ответов в некоторых собраниях написана от 1-го, а часть от 3-го лица. Диссертант полагает, что ответы второго типа добавлены после смерти автора редактором-составителем (С. 59–60). Но значит ли это, что другие собрания созданы еще при жизни архиерея, дававшего ответы? *Expressis verbis* об этом нигде не говорится... Попытки модернизировать византийскую действительность рассуждениями о близости эротапокритической формы современным FAQ в интернет-культуре (С. 25, прим. 57) смелы, но не очень удачны. Как мы знаем, FAQ нередко составляются уже при запуске в работу сайта, еще до того, как успели поступить реальные вопросы, то есть это некоторая догадка о том, какие вопросы будут задаваться, потенциально часто задаваемые вопросы. Диссертант же успешно доказал нам, что в случае канонических вопросоответных коллекций реальный вопрос всегда был первичен (С. 44 и след.).

Глава 2 (С. 68–85) обладает как достоинствами, так и недостатками. Автору удается всего на нескольких страницах бегло высветить основные этапы развития греческого языка и литературы в XI–XV вв., не перегружая очерк ссылками и не

вдаваясь в частности, которые могли бы отвлечь от магистральной линии работы. В то же время, он напрасно строит свое повествование исходя из логики поступательного развития и прогресса (что неудивительно, ведь в основе раздела — позднесоветские справочники наподобие трехтомной «Культуры Византии» или даже «Истории всемирной литературы») и не считаясь с принципиальной раздвоенностью византийского языкового сознания (впрочем см. оговорки на С. 83–84). Общие суждения («Литераторы этого периода и вообще образованное большинство отнеслись к народному языку с аристократическим пренебрежением, как к грубому и низкому» — С. 75) затемняют картину языкового многообразия, заставляют автора объединять в общие течения принципиально не соотносимых авторов, работавших в разных стилистических ключах, пренебрегать их личным культурным опытом и жанровой ориентацией (например, прим. 75 вступает в противоречие с С. 71, где про Михаила Глику сделано противоположное утверждение).

Основной раздел работы представлен **Главами 3 (С. 86–127) и 4 (С. 128–176)**. Структура этих глав, на наш взгляд, исключительно удачна: один и тот же материал подается читателю дважды, но под разными углами зрения. Если в Главе 3 это анализ «по памятникам» (каждое вопросоответное собрание рассматривается с точки зрения рукописной традиции, истории изучения, структуры, датировки и проч., т.е. встраивается в исторический и научный контекст, а только затем кратко перечисляются его языковые особенности), то в Главе 4 главенствует тематический принцип — интересующие автора грамматические параметры просматриваются сквозным образом по всем памятникам вне исторического контекста, что делает подачу материала более объемной.

Основное упущение лингвистической части работы — это несколько упрощенный (если не механистичный) взгляд на языковой процесс и чрезмерное доверие (в общем-то инструментальному и весьма условному) понятию языковой нормы. В некоторые моменты кажется, что перед мысленным взором диссертанта стоит образ византийского автора, сверяющегося в поиске подходящей формы с учебником С. И. Соболевского. Такие термины как «классический древнегреческий» (С. 7, 10 далее везде) или «народный греческий» (С. 7, 9 далее везде) ни в коей мере не могли быть имманентны византийскому сознанию. Броское утверждение о том, что «с этого времени [т.е. с конца Комниновской эпохи] язык античной Греции начинает восприниматься как действительно древний греческий язык» (С. 72), стоило бы подкрепить какими-то текстуальными свидетельствами. Известен ли диссертанту хоть один византиец, который подписался бы под тем, что он «стремится сохранить формы языка древнегреческой словесности и архаического, и классического, и эллинистического периодов» (С. 83)?

Возможно, взгляд диссертанта был бы более нюансированным, если бы он учел новейшие работы Дж. Хоррокса (*High Register Byzantine Greek: Diglossia and what lay behind it // Storia e storie della lingua greca / A cura di C. Carpinato, O. Tribulato. Venezia, 2014. P. 49–72; Georgios Akropolitis: theory and practice in later Byzantine historiography...*) (невнимание к ним тем более странно, если вспомнить, что диссертант в свое время рецензировал монографию Хоррокса), в которых исследователь ставит вопрос о различиях языка ученой византийской словесности (например, «Алексиады» Анны

Комнины) и языка классической аттической прозы, на который, согласно их собственным декларациям, ориентировались византийские авторы-интеллектуалы. Как оказывается, формальное совпадение грамматических форм не свидетельствует о том, что языковая система, существовавшая в сознании ученых авторов, была воспринята ими из античных образцов. Напротив, эта система более соответствовала той, что может быть реконструирована на основании народноязычной литературы эпохи, и античная грамматика была скорее не содержанием, а формой, в которой отливалась эта система. Не учтена и программная статья С. Вальгрена (*Towards a grammar of Byzantine Greek // Symbolae Osloenses* 77 (2002). P. 201–204), в очередной раз предостерегающая от того, чтобы видеть в византийском греческом лишь «плохой или хороший древнегреческий».

Анализируя язык вопросоответной литературы XI–XV вв., автор работы наглядно показывает процесс разложения древнегреческой глагольной и именной системы, отмечая протоновогреческие элементы (предвестник новогреческой формы εἶναι — ἔνι — С. 161; сочетание διὰ να + conj. — С. 170). Интересны наблюдения относительно возможности использования частицы ἴνα + conj. с императивным значением (С. 105). Убедительны рассуждения о застывших несогласованных причастных аккузативных формах, позже развившихся в новогреческое деепричастие (С. 122), а также примеры учащения использования перфектных медио-пассивных причастий при вымывании остальных форм синтетического перфекта (С. 154–156). Сильным разделом работы является и параграф, посвященный синтаксису (С. 172–174): гипербатон, местоименные репризы и анаколуфы — в высшей степени показательная черта рассматриваемых текстов. Доказательны подсчеты дативов (С. 139–147), наглядно показывающие, что вопросоответные коллекции не столь униформы с точки зрения языка, как кажется на первый взгляд, и среди их авторов есть свои «классицисты», навязчиво использующие дательный падеж. К сожалению, автор не обращает внимания на случаи использования датива действующего лица с глагольными формами отличными от медио-пассивных перфектов (τῶν πονηθέντων τοῖς θείοις διδασκάλοις — С. 214), что (согласно С. Вальгрелю) противоречит аттической, но полностью соответствует византийской ученой практике.

Удачен ряд лексикологических замечаний диссертанта: συνάλλαγμα в техническом значении «брак» — С. 90, 129; πολιτικαὶ γυναῖκες в значении «проститутки» — С. 101–102, 129; σουλμανίζω — С. 103. Впрочем, тут мы бы ожидали больше статистических выкладок из электронной базы Thesaurus linguae graecae. Аргумент «семантика <...> отличается от представленной в исторических словарях» (С. 128) в эпоху корпусных технологий не вполне состоятелен.

В работе есть ряд верных грамматических наблюдений, пафос внимания к которым не вполне понятен. К примеру, автор подробно отмечает все случаи употребления предиката во множественном числе при субъекте в множественном числе среднего рода (С. 98, 104, 126, 138) и рассуждает о том, что «при понимании формы среднего рода множественного числа как отдельной множественности уже в этот период [речь идет о конце XI в.!] было возможно употребление множественного числа сказуемого» (С. 104). В то же время, достаточно заглянуть в справочник Wallace D. B. *Greek Grammar beyond the Basics: An Exegetical Syntax of the New*

Testament. Zondervan, 1996. P. 400, чтобы убедиться, что такое употребление вполне нормально уже для Нового Завета (12 контекстов!) и ничего специфически поздневизантийского в нем нет. Следовательно, вновь встает вопрос о точке отсчета: нужно ли отмечать все особенности языка канонических вопросов XI–XV вв., отличающие их от языка классической аттической прозы? Поймем ли мы, что нового в язык привнес именно этот жанр и именно эта эпоха, если выберем лишь две произвольные точки в четырехтысячелетнем языковом континууме? Возможно, правильнее было бы сравнивать язык этих памятников с языком современной им эпистолографии (коль скоро на каком-то уровне они тоже имеют эпистолярный характер)? Там, к примеру, обрели бы свое место важные наблюдения автора о *pluralis reverentiae* (С. 138–139).

В работе лингвистического характера удивляют банальные ошибки в переводах: ὅπου βούλεται не «когда хочет», а «где хочет» (С. 211), ὅτινι βούλονται не «кто хочет», а «кому хотят» (С. 212), παραχωροῦντος τοῦ Θεοῦ не «когда Бог отступает», а «по Божьему попущению» (С. 221–222), пропущено ключевое для понимания смысла фразы πάλιν «снова» в ответе про крещение мирянами (С. 163).

Все высказанные претензии и пожелания не снижают высокой оценки диссертации. Автореферат полностью отражает содержание работы. Диссертация А. В. Анашкина «Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопросов XI–XV вв.» является оригинальной и самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение не только для византийской, но также и для классической, а возможно, и новогреческой филологии. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым п. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Министерства образования и науки РФ, а ее автор А. В. Анашкин заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 – «Классическая филология. Византийская и новогреческая филология».

официальный оппонент:

кандидат филологических наук
научный сотрудник отдела истории Средних веков
ФГБУН Институт славяноведения РАН
(119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, +7(495)9381780)

Лев Всеволодович Луховицкий
lukhovitskiy@gmail.com

8 сентября 2015 г.

Подпись Л. В. Луховицкого
ВЕРНО: удостоверен
Заведующая кадрами
Л. В. Луховицкий
08 сентября 2015 г.